

06,15 32,900

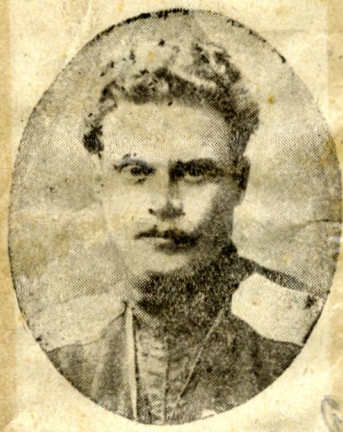
№ Народная библиотечка. 10

СЕРІЯ 2-я.

ВОЖДИ И ГЕРОИ РОССИИ.

П. АВРАМОВЪ.

Генеральъ А. Г. Шкуро.

Цѣна 50 коп.

*Два экземпляра СССР
1972*

Ростовъ на Дону.
1919.

Львів. Библиотечка
АН УРСР

435 (2) 7 - 8

Львівська державна
наукова бібліотека

40

13557/40

Генераль

А. Г. Шкуро *)

I.

7-го января 1887 года у подъесаула 1-го Екатеринодарскаго коннаго полка Кубанскаго войска Григорія Ѳедоровича Шкуро и его жены Анастасіи Андреевны родился сынъ, названный при крещеніи Андреемъ. Рожденію сына несказанно обрадовались какъ отецъ, такъ и мать. Они сосредоточили на маленькомъ Андрюшѣ все свое вниманіе и любовь и, т. к. мальчикъ отъ природы обладалъ хилымъ здоровьемъ, стали лечить его и внимательно слѣдить за его физическимъ развитіемъ. Заботы родителей скоро сказались. Четырехъ—пяти лѣтъ Андрюша былъ уже совершенно здоровъ. Съ этого времени онъ начинаетъ играть съ казаками отцовской

*) Брошюра „Генераль А. Г. Шкуро“ составлена на основаніи газетныхъ сообщеній и брошюры Добровольскаго „Генераль Шкуро“.

сотни, наряжаться въ казачью форму, вооружаться кинжаломъ и воображать себя героемъ-военачальникомъ.

Съ теченіемъ времени страсть ко всему военному такъ сильно развилась въ мальчкѣ, что вылилась, несмотря на его малыя годы, въ опредѣленное рѣшеніе учиться только ко въ кадетскомъ корпусѣ.

Желая дать сыну хорошее военное образованіе, Григорій Ѳедоровичъ отвезъ его въ 3 Московскій Кадетскій корпусъ. Андрей Григорьевичъ успѣшно окончилъ его и поступилъ въ Николаевское кавалерійское училище.

Въ 1907 году молодой Шкуро, въ чинѣ хорунжаго, вышелъ на службу въ Уманскій полкъ, а оттуда, уже въ чинѣ сотника, перешелъ въ 1-ый Екатеринодарскій полкъ квартировавшій въ то время въ станицѣ Усть-Лабинской.

Міровая война 1914 года застала Андрея Григорьевича въ Сибири, гдѣ онъ, по переводѣ изъ Екатеринодарскаго полка, служилъ по охранѣ золотыхъ приисковъ (въ Читѣ). При первыхъ же пушечныхъ выстрѣлахъ Шкуро оказался въ рядахъ 3 Хоперскаго коннаго полка и съ нимъ выступилъ въ походъ противъ Австро-Германіи.

1914 и начало 1915 г.г. А. Г. Шкуро командовалъ въ полку пулеметнымъ взводомъ, а потомъ—командой развѣдчиковъ и принималъ непосредственное участіе въ многочисленныхъ бояхъ. Но служба въ полку

хотя и боевая, — не могла удовлетворить молодого и энергичнаго сотника. Натура у него была широкая, хотѣлось выйти изъ узкихъ, сравнительно, полковыхъ рамокъ и сдѣлать что нибудь большое и славное. Скоро представилась къ тому полная возможность. Въ 1915 году сотнику Шкуро пришла въ голову мысль создать партизанскій отрядъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ началъ приводить въ исполненіе задуманное и, при поддержкѣ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, знавшихъ его какъ лучшаго развѣдчика дивизіи, и послѣ продолжительныхъ хлопотъ, Шкуро сформировалъ первый партизанскій отрядъ при корпусѣ генерала Ирмана, въ составѣ 600 человекъ, изъ отборныхъ по своимъ боевымъ качествамъ офицеровъ, казаковъ и солдатъ. Значекъ отряда, придуманный Шкуро, соответствовалъ назначенію первыхъ партизанъ: на черномъ полѣ изображена была оскаленная волчья пасть.

По первымъ же удачнымъ набѣгамъ, совершеннымъ Шкуро на тылы нѣмцевъ, начальство стмѣтило недюжинныя способности молодого партизана, его беззавтную храбрость и полное презрѣніе къ смерти. Совершая глубокіе тыловые налеты, Андрей Григорьевичъ постоянно держалъ противника въ напряженномъ состояніи, заставляя его нервничать и опасаться за свои передовыя заставы и ближайшія тыловыя учрежденія. Но

ничто не могло удержать лихого партизана: неуловимый, онъ разрушалъ въ тылу у нѣмцевъ желѣзныя дороги, рвалъ мосты, взрывалъ артиллерійскіе склады, бралъ сотни плѣнныхъ, между которыми однажды оказался нѣмецкій генераль—командиръ дивизіи, и захватывалъ богатую военную добычу.

Желая поощрить и развить полезную партизанскую дѣятельность, начальство распорядилось сформировать еще два партизанскихъ отряда, которые и были переданы въ распоряженіе Шкуро.

Въ началѣ 16-го года Шкуро съ отрядами придала къ конному корпусу генерала графа Келлера, предназначеннаго для прорыва австрійскихъ позицій на юго-западномъ фронтѣ. И здѣсь трудная, но благодарная боевая работа не замедлила сказаться: австрійцы все время были насторожѣ и постоянно ожидали непрошенныхъ лихихъ гостей, руководимыхъ А. Г. Шкуро.

Изъ работы Шкуро на юго-западномъ фронтѣ необходимо отмѣтить одинъ набѣгъ, который былъ совершенъ за 67 верстъ въ тылъ расположенія австрійцевъ и который длился ровно 10 сутокъ. Результаты этого набѣга были болѣе чѣмъ блестящи: почти безъ потерь, устривши въ тылу противника настоящій разгромъ, отрядъ благополучно прорвался къ своимъ и привелъ съ собою около 6000 плѣнныхъ австрійцевъ.

II.

Революція 1917 года застала молодого и славнаго полковника Шкуро въ Румыніи. Вначалѣ онъ велъ упорную борьбу съ комитетами, но когда увидѣлъ, что отъ русской, не такъ давно могучей, арміи, въ сущности, ничего не осталось—рѣшилъ покинуть румынскій фронтъ и уйти въ сохранившуюся еще тогда авказскую армію. Слухъ о такомъ рѣшеніи популярнаго партизана разнесся по всему фронту и къ нему стали приходиться офицеры и солдаты, разочаровавшіеся въ революціи. Комитетъ фронта пытался было задержать „измѣнниковъ родины и революціи“, но это было не такъ просто: Шкуро съ боемъ захватилъ желѣзнодорожный составъ, посадилъ въ него свой отрядъ и благополучно проѣхалъ въ Россію. Въ Донецкомъ районѣ рабочіе заподозрили въ отрядѣ Шкуро „кадетовъ“ и предложили отряду разоружиться. Пришлось рабочихъ разогнать, послѣ чего отрядъ—гдѣ окольными путями, гдѣ прямыми, въ лобъ, пробрался на Кавказъ, а оттуда въ Персію, и влился въ 1-ый Кавказскій отдѣльный каваллерійскій корпусъ генерала Баратова. Здѣсь Шкуро пробылъ до полнаго разложенія фронта. Когда начались митинги и, какъ выражался Шкуро, „безъ аннексій и контрибуціи“, Андрей Григорьевичъ повернулъ съ своимъ отрядомъ на Кубань. У Ми-

неральныхъ Водъ Шкуро распустилъ свой отрядъ по домамъ, а самъ, съ нѣсколькими близкими ему людьми, пробрался въ Кисловодскъ, поселился тамъ подъ чужимъ именемъ и сталъ выжидать событій. Скоро о его пребываніи въ Кисловодскъ узнали казаки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ этомъ же узнали и шпіоны большевиковъ. По ихъ доносу Шкуро неожиданно былъ арестованъ на своей квартирѣ и посаженъ въ мѣстную тюрьму, откуда вскорѣ былъ переведенъ во Владикавказскую.

Орла посадили въ клѣтку, но не подрѣзали ему крылья. Шкуро умѣло воспользовался счастливой для него случайностью и очутился на свободѣ. Самъ Богъ принялъ участіе въ героѣ. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ Андреемъ Григорьевичемъ сидѣлъ въ тюрьмѣ матросъ Шкуро. Пьяный комиссаръ, попавши случайно въ камеру полковника и думая, что это матросъ Шкуро—освободилъ его.

Въ тотъ же день А. Г. Шкуро ушелъ въ горы, откуда съ десяткомъ такихъ же безпріютныхъ, но рѣшительныхъ головъ началъ дѣлать набѣги на большевистскія станицы и селенія, гдѣ разгонялъ совѣты, предавалъ праведному и короткому суду комиссаровъ, обогащался оружіемъ, патронами и провіантомъ. 12-го іюня 1918 г. онъ съ 30 партизанами налетѣлъ на станицу Суворовскую, свергнулъ совѣтскую власть и объявилъ

населенію поголовную мобилизацію. Настрадавшіеся казаки охотно поддержали Шкуро, поднялись отъ мала до велика и составили довольно значительный отрядъ. Получилась сила, съ которой Андрей Григорьевичъ началъ творить чудеса.

Отбивши однажды у красныхъ пушку, онъ задумалъ овладѣть Кисловодскомъ. Не долго думая, онъ ночью налетѣлъ на городъ, навелъ панику на красноармейскій гарнизонъ, захватилъ богатую добычу, освободилъ и увезъ съ собою многихъ жителей, которымъ грозила смерть и, пока красные одумались, — былъ уже такъ далеко, что ему не грозила никакая погоня.

Въ концѣ іюня Шкуро соединился съ Лабинскимъ отрядомъ подъесаула Солодыкаго. Соединенный отрядъ, насчитывавшій уже до 10.000 партизанъ, началъ успѣшно очищать Баталпашинскій отдѣлъ. Слава про Шкуро далеко прогремѣла за предѣлами очищаемаго отъ большевиковъ района. Красные трепетали отъ одного его имени, терялись — не зная, что предпринять, когда одновременно здѣсь и тамъ появлялись партизаны-«волки-шкураки». Казаки — Кубанцы молились на Шкуро, восхищались его подвигами, съ большимъ нетерпѣніемъ ждали его прихода, а по приходѣ — всячески поддерживали его.

Въ іюнь Добровольческая армія безостановочно двинулась вглубь Кубани сразу занявъ такіе важные пункты какъ Тихорѣцкая,

Сосыка, а затѣмъ и Армавирь. Услышавъ про успѣхи добровольцевъ, Шкуро посадилъ своихъ партизанъ на коней и, какъ снѣгъ на голову, свалился на Ставропольскій гарнизонъ красныхъ. Дѣйствовалъ Шкуро болѣе чѣмъ рѣшительно. Онъ послалъ въ Ставрополь телеграмму, въ которой кратко изложилъ цѣль своего прихода. Общій характеръ она носила такой: или сдайте Ставрополь безъ боя, или я васъ, вмѣстѣ съ городомъ, превращу въ пыль. Повѣрили большевики, испугались и сдали городъ. Но потомъ одумались и начали его осаждать. Это обстоятельство заставило Шкуро на время отказаться отъ главной своей цѣли—соединенія съ добровольцами и понудило его приступить къ выполненію другой задачи. Онъ передалъ защиту города полковнику Улагаю, а самъ съ 4-мя конными сотнями поѣхалъ въ Баталпашинскій отдѣлъ, гдѣ быстро сформировалъ 11 конныхъ полковъ (7 казачьихъ и 4 горскихъ) и бригаду пластуновъ и образовалъ болѣе чѣмъ двухсотверстный фронтъ. Патроны набивали сами, пушки, снаряды и оружіе отбивали у красныхъ и такъ продержались 2¹/₂ мѣсяца, до соединенія съ Добровольческой арміей.

За эти 2¹/₂ мѣсяца неутомимый партизанъ Шкуро облетѣлъ или (какъ выражался самъ Шкуро), „исползалъ на брюхѣ“ весь Баталпашинскій отдѣлъ, встрѣчаемый всюду какъ герой. Слава о немъ пронеслась и по сосѣд-

нему Тереку и по Кавказскимъ горамъ. Счастье постоянно сопутствовало Шкуро, и въ какихъ бы онъ ни былъ трудныхъ обстоятельствахъ—всегда находилъ изъ нихъ удачный выходъ. Несмотря на то, что послѣ паденія Ставрополя (въ началѣ августа) очь съ своей дивизіей былъ разъединенъ съ добровольцами—Шкуро не смутился и продолжалъ наносить краснымъ новыя и новыя пораженія. Въ концѣ сентября онъ вторично захватилъ Кисловодскъ, откуда перебросился подъ Эссентуки гдѣ сформированная имъ „Волчья сотня“, въ конномъ строю атаковала два большевистскихъ бронепоезда, одинъ изъ которыхъ захватила, а другой заставила на всѣхъ парахъ умчаться къ городу. Черезъ нѣсколько дней Эссентуки лихой атакой „волковъ“, руководимыхъ Шкуро, были взяты. 2 ноября Ставрополь былъ окончательно занятъ добровольцами. Съ этого времени дивизіи Шкуро представилась возможность отдохнуть, но не надолго.

Въ концѣ декабря большевики огромными силами повели наступленіе на Баталпашинской стдѣль. Въ ночь подъ Рождество 1918 г. Шкуро очутился опять подъ станицей Баталпашинской, гдѣ встрѣтилъ значительно превосходящаго въ силахъ противника: въ теченіе 10 дней онъ нанесъ ему нѣсколько поражений, но увидѣлъ, что „волки“ и казаки до того утомились въ неравной борьбѣ, что того и гляди отступятъ. Это заставило Шкуро

(5 янв. 1919 г.) обратиться за помощью къ Баталпашинцамъ. Тѣ живо откликнулись на зовъ любимаго героя и, въ составѣ 3000 стариковъ, пришли на выручку своимъ слабѣющимъ дѣтямъ. Хотя подкрѣпленіе и слабо было въ смыслѣ боевомъ, но оно оказало громадное вліяніе на духъ казаковъ: дѣти подбодрились, подтянулись и, увлекаемые Шкуро, лавиной обрушились на красныхъ и погнали ихъ безостановочно почти до Владикавказа.

Владикавказъ защищали не одни красноармейцы, а еще и ингуши, народъ рѣшительный и твердый. Но ингуши скоро запросили мира, т. к. въ ихъ отсутствіе добровольческія части захватили аулы. 28 января 1919 года и Владикавказъ, послѣ упорнаго сопротивленія красныхъ, былъ взятъ „волками“ Шкуро. Такимъ образомъ закончилось очищеніе Кавказа отъ большевиковъ. Въ этомъ очищеніи видную роль пришлось сыграть выдающемуся партизану съ его дивизіей и „волками“ — народному любимцу Андрею Григорьевичу Шкуро.

III

Въ февралѣ 1919 года, во время прихода Добровольческой арміи на Донъ, уже въ чинѣ генераль-маіора, Шкуро, обвѣянный славой и окрещенный благодарными кубанцами именемъ народнаго героя, а Радой награжденный орденомъ Спасенія Кубани 1 степени, — командуеъ группой войскъ 1-го корпуса Добров. арміи, а съ 10 мая — 3-мъ коннымъ корпусомъ, дѣйстви-

вавшимъ въ то время, въ Каменноугольномъ районѣ. И на Дону слава о партизанѣ Шкуро бѣжить далеко впередъ и заставляетъ комиссаровъ серьезно опасаться за свои тылы, а измученное населеніе—радоваться и ждать своего избавителя, несущаго вмѣстѣ съ войсками Добровольческой арміи миръ, хлѣбъ насущный и спокойную жизнь. Уже съ послѣднихъ чиселъ марта ген. Шкуро появляется въ тылу у красныхъ сѣвернѣе Юзовки, наводитъ на большевиковъ панику и 3-го апрѣля беретъ гор. Мариуполь, наголову разбивъ Махно. Къ этому времени ухудшается положеніе въ Дебальцевскомъ районѣ. Шкуро перебрасывается туда, прорывается въ тылъ къ противнику и 21 овладѣваетъ Луганскомъ. Съ выходомъ Добровольческихъ частей въ Воронежскую и другія губерніи то и дѣло прерывается связь съ генераломъ Шкуро. Газеты пестрятъ такого рода сообщеніями: „Связь съ ген. Шкуро прервана“, „Отъ частей генерала Шкуро, дѣйствующихъ въ тылу у красныхъ, свѣдѣній не поступало“ и т. д. А Шкуро въ это время „сѣрымъ волкомъ“ рыскалъ по тыламъ большевиковъ, разстраивая ихъ, захватывая богатѣйшую добычу и боевое имущество. Въ бояхъ подъ Екатеринославомъ и далѣе, на Полтавскомъ направленіи, особенное вниманіе обращаютъ на себя „волки“ ген. Шкуро. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы ихъ удержать и заставило бы ихъ не выполнить боевую задачу! И это потому, что во

главѣ ихъ стоитъ полководецъ, пользующійся беззавѣтною любовью и безграничнымъ довѣріемъ кубанцевъ, генераль Андрей Григорьевичъ Шкуро.

IV.

Генераль Шкуро принадлежитъ къ категоріи героевъ, привлекающихъ къ себѣ всѣхъ своею непосредственною простотой. Небольшого роста, но плотнаго тѣлосложенія, съ добродушнымъ типично-русскимъ лицомъ, съ добрыми глазами—онъ постоянно жизнерадостенъ, веселъ, бодръ. Онъ ко всѣмъ одинаковъ. Нѣтъ у него ни заискивающихъ, ни льстивыхъ фразъ и манеръ по отношенію къ кому бы то ни было. Казаковъ своихъ онъ любитъ искренно и сильно и доказываетъ это на дѣлѣ. Онъ постоянно заботится о нихъ, входитъ въ ихъ нужды, совѣтуетъ имъ, соболѣзнуетъ въ несчастьи. Часто можно видѣть его среди казаковъ, возвратившихся изъ отпуска. Генераль серьезно и просто, безъ всякой рисовки, спрашиваетъ станичниковъ объ ихъ семьяхъ, посѣвахъ, станичныхъ дѣлахъ. Зато и казаки платятъ своему вождю такую любовь, такимъ вниманіемъ, какъ будто онъ для нихъ кумиръ, какое-то божество. И заслуживаетъ молодой генераль такой любви!

Если спросить любого „шкурака“, за что онъ любитъ своего генерала, „шкуракъ“ не задумываясь отвѣтитъ: „А за то, что онъ

всегда съ нами и объѣзжаетъ полки тогда, когда они на позиціи и въ бою; за то, что Шкуро никогда не ѣздитъ въ экипажахъ, а всегда, какъ настоящій конникъ, верхомъ, за то, что онъ умѣетъ водить насъ по тыламъ у красныхъ за 50 и 60 верстъ и всегда тамъ веселье и оживленіе; за то, что онъ всегда справедливъ къ намъ и умѣетъ прощать намъ невольныя ошибки; а еще мы любимъ ген. Шкуро за то, что онъ бываетъ всегда съ нами въ бояхъ, и рядомъ съ нимъ не мало убито и поранено и г.г. офицеровъ и нашего брата... Однимъ словомъ, не любить Шкуро нельзя, т. к. онъ Шкуро, а не кто-либо другой“.

Одинаково любятъ Шкуро и въ станицахъ на Кубани. Старики посылаютъ ему телеграммы, въ которыхъ благодарятъ его отъ лица станицъ Кубанскихъ за удачныя бои и объщаютъ всяческую поддержку. „Если не хватить молодежи—пишутъ они—сами пойдемъ къ тебѣ“... Но молодежи—хоть отбавляй. Имя Шкуро заставляетъ ихъ бросать тайкомъ родительскіе дома и бѣжать на фронтъ, къ „волкамъ“. Шкуро, конечно, противъ этого и заставляетъ чрезчуръ юныхъ и ярыхъ „волчатъ“ отправляться восвояси, подъ строгую опеку огорченныхъ ихъ бѣгствомъ родителей. Въ Баталпашинскомъ отсѣлѣ, гдѣ Шкуро пришлось особенно много доработать, имя Андрея Григорьевича не только популярно, что въ честь его назы-

вають школы, моляться за нього, про его доблесть легенды и пѣсни и восхищаются его геройствомъ.

Вотъ портретъ Кубанскаго народнаго героя, уроженца станицы Пашковской. генерала-партизана Андрея Григорьевича Шкуро.

Лозунгъ: „Единая Великая и Недѣлимая Россія“—выношенъ имъ по кубанскимъ полямъ, по Кавказскимъ лѣсамъ и горамъ, и теперь, на равнинныхъ подступахъ къ Москвѣ Бѣлокаменной, гроза большевиковъ—генераль Шкуро придерживается только этого лозунга и, надо вѣрить, что и доблестные соратники его казаки-кубанцы—думаютъ такъ же, какъ и ихъ вождь.

П. Аврамовъ.

048
(1986)

PA 40_y